

Левъ Николаевичъ шелъ по парку, совершая свою утреннюю прогулку, и нарочно избѣгалъ тропочекъ и натоптанныхъ мѣстъ. Онъ шелъ быстро (я едва поспѣвалъ за нимъ) и напроломъ, умѣло лавируя между деревьями и ловко во-время нагибаясь подъ вѣтками тѣсно сгрудившихъ высокихъ липъ, съ ихъ задумчиво нависшими шапками густой листвы, отъ которой исходила благоговѣйная тѣнь и тихая прохлада.

Бесѣда сначала шла о клерикализмѣ во Франціи, а потомъ незамѣтно перешла на сіонизмъ.

— Это движение,—сказалъ Левъ Николаевичъ, когда мы вышли на поляну,—всегда интересовало меня не тѣмъ, что оно даетъ народу своему выходъ изъ тягостнаго положенія,—выхода этого оно не даетъ ему,— а тѣмъ яркимъ примѣромъ огромнаго вліянія, которому могутъ поддаться иногда много пережившіе люди и испытавшіе въ своей жизни всю тщету известной затѣи.—На нашихъ глазахъ старый, умный и многоопытный народъ, давно переболѣвшій одной изъ ужасныхъ болѣзней человѣчества,—теперь вновь заболѣваетъ ю. Въ немъ вновь заговориваетъ жажда государственности и недобroe желаніе править и играть роль. Вновь хочется обзавестись всей этой бутафоріей иностраннаго национализма, съ ея войсками— знаменами и собственной формулой на заголовкахъ приговоровъ суда. Мнѣ кажется однако что лишь меньшинство охвачено этой мрачной страстью, ведущей къ вѣрной гибели путемъ раздора и истощенія и неизбѣжной остановки свѣтлой работы духа, напрасно волнуемаго тревожными желаніями насилий и захвата.—Я думаю, что этой болѣзнью

